



ЯКОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Анастасия Колчак

18+

Анастасия Колчак Яков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69943177

SelfPub; 2023

Аннотация

Разбавленный черной лирикой и легкостью языка рассказ перенесет читателя в опошленный, но все такой же манящий жанр русской готической прозы.

Анастасия Колчак

Яков

Извозчик рывком остановил запыхавшихся лошадей под фонарем у ворот собора, оглянулся, посмотрел на пассажира – пожилой мужчина чесал свою бороду и пристально смотрел на часы.

– Медленно, слишком, – мужчина посмотрел на извозчика.

– Лев Соломонович, ну куда по такой темени ехать, кони в темноте не видят, так ведь и с дороги улететь можно, – оправдывался извозчик, поворачиваясь то спиной к мужчине, то спиной к лошадям.

– Ну и хрен с тобой, – устало пробормотал Лев Соломонович и убрал поблескивающие под светом фонаря часы в карман пальто.

Пожилый мужчина слез с брички, поправил котелок на голове.

– Жди здесь, – не поворачиваясь к извозчику, Лев Соломонович побрел к главному входу.

Двери собора приоткрылись, тёплый свет лёг ярко-оранжевой полосой на крыльцо. Из-за двери показалась голова, она вглядывалась в бредущего к собору Льва Соломоновича, мужчина поднял глаза на силуэт, голова спряталась за массивную дверь, сразу послышался хриплый крик дав-

но не смазанных петель. Навстречу Льву выбежал одетый в черный балахон кистер*, придерживая болтающийся на шее крест.

– Лев Соломонович, как мы рады вас видеть, – смотритель пожал руку мужчине.

– Но сегодня мы уже не принимаем посетителей, приходите завтра.

Лев Соломонович поднял голову и посмотрел в черное небо, пронзенное храмовым шпилем.

– Жизненно необходимо помолится, за себя. Не могу откладывать.

– Прошу меня простить, от всей души простите, но мы закрыты, – смотритель сильнее сжал крест на груди.

– Неужели бог не уделит мне минутку, ради спасения моей души, – потеряно спросил мужчина. Лев Соломонович шагнул ближе к молодому смотрителю и обнял его. – Отец, я вас не задержу, прошу, дайте исповедаться, – умолял Соломонович.

Растерянный кистер разжал ладонь с крестом, ей же он утешающе похлопал мужчину по спине.

– Ну, хорошо, хорошо, можете зайти, но до полуночи вы должны уйти.

Они вошли через приоткрытую дверь храма. Внутри было тепло, типичный церковный запах оседал на камне; огромный зал, почти все место заполнено рядами стоящих друг за другом скамеек. В конце стоял алтарь уставленный множе-

ством приглушенно горящих лампадок, за алтарем, в стену вмонтировано распятие.

Лев Соломонович шел рядом со зрителем вдоль рядов скамей, он опустил взгляд на церковного служителя, тот сжимал крест на груди.

– Не беспокойтесь, я помолюсь и уйду, – Лев Соломонович попытался успокоить обеспокоенного кистера, – как вас зовут?

– Яков, – четко выдал зритель.

– Не к добру в полночь молится, никто не молится, когда до Дня Святых счет на минуты идет, – встревоженно продолжал Яков, – вы Уварова знаете?

– Николая Александровича? Конечно, знаю, – Лев Соломонович кивает, – даже больше скажу, он мой давний друг, в академии вместе учились.

– Значит вы в курсе, тех слухов?

– Слухов? – Лев Соломонович хмыкнул, – слухи разные бывают, так в чем собственно дело?

– Ужасно, думать тошно. К нам епископы недели две назад приезжали, собрание у них было, потом застолье. Во время ужина зашел разговор о материальном положении церкви, один жалуется, что церковью мало, больше надо, еще лучше вдобавок иметь свою печатаную мастерскую – библию печатать в больших количествах, а другой епископ с ним в спор вступает:

– *Уже построенные валяются, все никак не реставриру-*

ются, и мастерские только в убыток, все равно никто не читает...

Из темного угла зала, куда не дотягивался свет, послышался шорох. Яков встревожено оглянулся, посмотрел на прикрытую дверь, потом продолжил рассказ:

– Поднялся шум, епископы спорили, и кто-то из них о графе Уварове вспомнил, что можно ему письмо с просьбой о финансировании прислать, а взамен свою «духовную» помощь предложить, епископы не последние люди в стране, на них любое государственное устройство держится.

– Интересно..., – многозначительно протянул Лев Соломонович, – а дальше, что было?

– А дальше, самый старый из епископов, тот, что молча сидел, поморщился, сплюнул несколько раз и перекрестился. На него недоумевающе смотрят.

– *Об Уварове больше ни слова!* – старый епископ как с цепи сорвался.

– *Это черт, самый натуральный бес!* – другие епископы переглянулись, просят объяснить, в чем дело.

– *Братья,* – старый епископ встал с места и облокотился кулаками в стол, – *граф связался с нечистой силой, балы устраивает бесовские, дворян в животных и шутов наряжает, спивает вином, а потом оргии проводит с жертвоприношениями,* – старик в потолок палец тянет, – *мне это сам Боже поведал, вот как оно.*

– Это серьезное обвинение, – Лев Соломонович мельком

взглянул на сжимающую крест руку Якова.

– Это ужасно, не могу поверить в такое, но, должен признаться, я верю старому епископу, – Яков опустил голову в пол, – сейчас в мире столько мрака и разврата.

– Яков, не хотите ли вы сказать, что дьявол добрался до нашего мира? – кистер промолчал.

– Пришли, помолитесь и уходите, – Яков остановился в нескольких шагах от алтаря, – я вас покину, дверь закройте за собой.

– Но вы не ответили..., – позади, слышались отдаляющиеся шаги Якова, – Лев Соломонович смотрел в спину удаляющейся фигуре.

Мужчина подошел к алтарю, свел руки в молитвенном жесте. Свет лампадок мягко лег на морщинистое лицо, запах ладана стал навязчивее. Лев Соломонович оглядел распятого Иисуса, – и ты тоже, – разочаровано прошептал Лев. Закрыв глаза, он приступил к молитве:

– В руку Твоего превеликого милосердия, о Боже мой, вручаю душу и тело мое.

В это же время, за одной из колонн, в темноте за молитвой наблюдал испуганный Яков. Он трясся, сжимая до боли крест в руке.

Часы пробили полночь, Лев Соломонович все стоял на прежнем месте. Яков, понял, что внешняя оболочка пришла в негодность. Он посмотрел на свои красные руки, с длин-

ными, черными, как уголь ногтями, потрогал свой лоб, из черепаросло два козлиных рога. В рогатой голове только и пронеслось «*не успел*», теперь Яков явился в истинном обличи. На груди его раскалился крест, плавя кожу демона и оставляя характерное клеймо.

Обожженный демон завопил, крик его отразился от стен собора, раскалывая витражные стекла. Осатаневший Яков бросился к алтарю, где стоял Лев Соломонович. Мужчина все еще стоял неподвижно. Разъярённый демон раскидывал по залу тяжелые скамьи; вопил, раскалывая остатки битого стекла на церковных окнах, и в его глазах горело черное пламя. Достигнув центра зала, демон с разгона присел на корточки, а потом резко подпрыгнул в сторону, где стоял Лев. На мгновение цвет лампадок притих; по залу прошлась темнота, и в этой темноте, глаза Якова уловили отблеск хромированного металла. Прежде мертвенно стоящий Лев Соломонович стоял, задрав голову наверх, смотря одним глазом в прицел. В перекрестии прицела показался рогатый лоб демона. Раздался громкий хлопок, а затем менее громкий звук упавшего на каменную плитку тела демона. Лев Соломонович убрал револьвер под пальто, приближаясь к умирающему демону.

– Погань ты проклятая, крест от меня свой прятал, чтобы я не увидел, как он от твоей бесовщины горит, хорошо, что не снял тварь, хорошо он тебя поджарил.

Демон сочился черной кровью и невнятно кряхтел.

Лев Соломонович достав из кармана брюк серую флягу, облил Лжеякова ее содержимым. Демон заколотился в судорогах, выблевав гуталиновые кишки.

– Пей воду святую, жри небесный свет козел из преисподней! – приговаривал мужчина.

Демон перестал издавать звуки, красное тело обмякло.

Уже собираясь уходить, Лев Соломонович в последний раз взглянул на распятого Иисуса, изо лба статуиросло два козлиных рога.

Выйдя из собора, Лев уверенно залез в брочку, разбудив при этом дремавшего извозчика.

– Уже все? – зевая, спросил извозчик.

– Угу, – отрешенно ответил Лев Соломонович.

– Громко вы его, я несколько раз просыпался, а вы знаете, как я крепко сплю.

– Знаю.

Извозчик достал из-под пазухи небольшую бутылку, завернутую в чехол.

– Будете? – спросил извозчик, протягивая руку.

Лев Соломонович молча взял бутылку и немного отхлебнул, – хороший виски. Неожиданно для извозчика мужчина сдержанно засмеялся. Извозчик, улыбаясь, повернулся к выпивающему Льву.

– Анекдот вспомнили?

– Я его виски облил, – уже не сдерживаясь, захохотал Лев, а вместе с ним и извозчик. Улицу облетели подвыпившие

голоса, заливающиеся добротным ором, мужики надрывали себе животы.

– Домой? – спросил извозчик, протирая глаза от наступивших слез.

– Пока рано. Давай навестим Николая Александровича, – раззадоренный Лев откинулся на спинку сиденья, попивая алкоголь.

Извозчик хлестанул поводьями, и кони, словно пробудившиеся многовековые статуи унесли двух мужчин в густой мрак.